

Научная статья

УДК 343.85

EDN WIYGCP

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(6).523-535

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ: НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ВЛАСТНО-ЭЛИТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

10 октября 2023 г.

Дата принятия в печать

12 декабря 2023 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2023 г.

Ключевые слова

Коррупция; экстремизм; виртуальная судимость; клевета; медиа; Интернет; культура отмены; диффамация

Финансирование

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы № 122112800080-3 «Глобальный индекс экстремизма: социальная функция и методики измерения»

Аннотация. Политические истории про обман, террор и заказные убийства оказывают значительное влияние на правосознание и политическую культуру всех народов. Криминальные нарративы способны коренным образом менять международные отношения и национальную политику. От описания политики насилия, которую проводил Цинь Шихуанди в Древнем Китае, до криминальных легенд про Родриго Борджиа в Риме; от Сараевского убийства эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. до гибели Сальвадора Альенде в Чили 11 сентября 1973 г. мы наблюдаем ореол таинственности вокруг мотивов политической преступности и отмечаем неизменный драматизм борьбы за власть. Цифровая трансформация изменила формат криминальных политических историй, обеспечила мультимедийность нарративов вокруг политических лидеров, превратив традиционный политический детектив в трагикомедию постмодерна. Влияние сквозных цифровых технологий на *modus operandi* террористов, коррупционеров и политических авантюристов обусловлено новыми возможностями, которые виртуальная реальность предоставляет для создания образа врага в политическом сознании электората. Рассказы о преступлениях, возможно совершенных лидерами партии власти, и истории о предательстве национальных интересов оппозицией конкурируют за внимание аудитории, чья картина мира становится все больше расколдованной в контексте заочного диалога Н. Макиавелли и М. Вебера о методах легитимации господства. Методика нарративного исследования властно-элитной преступности предполагает выявление образов действия, свойственных власти и оппозиции в их стремлении причинить вред репутации друг друга. Анализ нарративов политической преступности подтверждает гипотезу о том, что цифровая трансформация политики располагает к использованию криминальных нарративов вместо физического насилия для дискредитации и устранения политических лидеров.

Original article

CRIMINAL PROSECUTION OF POLITICAL LEADERS: NARRATIVE ANALYSIS OF MODERN POWER ELITE CRIMES

Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2023 October 10

Accepted

2023 December 12

Available online

2023 December 26

Keywords

Corruption; extremism; virtual criminal record; libel; media; Internet; cancel culture; defamation

Abstract. Political stories about deceit, terror and contract killings have a significant impact on the legal and political culture of all the nations. Crime narratives have the potential to fundamentally change international relations and national politics. From the description of the policy of violence pursued by Qin Shi Huang in ancient China to the criminal legends about Rodrigo Borgia in Rome, from the Sarajevo assassination of Archduke Franz Ferdinand on June 28, 1914 to the death of Salvador Allende on September 11, 1973 in Chile, we observe an aura of mystery around the motives of political crime and note the constant drama of the power struggle. Digital transformation has changed the format of criminal political stories by creating multimedia narratives around political leaders. It turned a traditional political detective story into a postmodern tragicomedy. The influence of end-to-end digital technologies on the *modus operandi* of terrorists, corrupt officials and political adventurers is due to the new opportunities that virtual reality provides for creating an image of the enemy in the political consciousness of the electorate. Stories about crimes possibly committed by the leaders of the party in power, and narratives

Acknowledgements

The research is financially supported by the research project № 122112800080-3 «The Global Index of Extremism: Social Function and Assessment Methods»

about the betrayal of national interests by the opposition compete for the attention of the audience, whose worldview is becoming increasingly disenchanted in the context of a correspondence dialogue between Niccolo Machiavelli and Max Weber on the methods of legitimizing domination. Power elite's crimes studied by narrative research methods reveal special patterns of actions of the party in power against the key opposition figures and vice versa, driven by their desire to destroy each other's reputation. The analysis of political crime narratives confirms the hypothesis that the digital transformation of politics encourages the use of criminal narratives instead of physical violence in an attempt to defame and eliminate political leaders.

Введение

Президент Российской Федерации В.В. Путин на Большой пресс-конференции 23 декабря 2021 г. отметил очевидное: «Не надо совершать уголовные преступления и прикрываться при этом политической деятельностью»¹. В информационном обществе представители партии власти и оппозиции, используя каналы средств массовой информации (СМИ), рассказывают криминальные истории для дискредитации политических лидеров: бывший президент Франции Николя Саркози (Nicolas Sarkozy) привлечен к уголовной ответственности за коррупцию [1], в отношении Дональда Трампа (Donald John Trump) выдвинуто несколько уголовных обвинений за его агрессивное политическое поведение [2–4], действующий президент Бразилии Лулу да Силва (Lula da Silva) несколько раз отстранялся от выборов под предлогом (как в итоге выяснилось, несправедливого) уголовного преследования [5].

Уголовные дела, возбужденные в отношении политических лидеров, криминализируют политический дискурс. Термин «криминализация» используется в различном значении применительно к социальным институтам и общественно опасным деяниям. С одной стороны, под криминализацией, что, собственно, правильно в криминологическом смысле, понимается установление уголовной ответственности за конкретное деяние, например «криминализация насилия в отношении женщин в политике» [6]. С другой стороны, рядом индийских ученых [7; 8] под криминализацией политики понимается ее вовлечение в сферу влияния преступного мира, проникновение преступных элементов во власть и в процессы борьбы за нее [8].

Западная критическая социология вслед за французским ученым Лоиком Ваканом (Loïc J.D. Wacquant) отмечает, что неолибераль-

ные практики применения уголовного законодательства приводят к «наказанию бедных» (punishing the poor) [9] и, по сути, означают криминализацию политических режимов и социально незащищенных индивидов [10]. Уголовное преследование политических лидеров приводит к их вовлечению в сферу влияния преступного мира (криминализации) и судимости, которая обусловлена не столько приговором суда по уголовному делу, сколько мультимедийными рассказами о совершенных политиками преступлениях.

Нарративная криминология отражает критический социологический подход к преступности, при котором на первое место ставятся смыслы и мотивы, а не показатели статистики. Американский ученый Лоис Прессер (Lois Presser) и шведский профессор Свейнунг Сандберг (Sveinung Sandberg) используют нарративный анализ в криминологии для интерпретации рассказов о преступлениях [11–13]. Нарративный анализ позволяет установить причины и неформальные последствия уголовного преследования граждан, охарактеризовать версии и легенды, связанные с преступлением [14; 15].

Проявления властно-элитной преступности в процессе цифровой трансформации становятся глобальным и сквозным медийным нарративом. Безусловно, «политическая преступность не ограничивается политической коррупцией» [16, с. 45], более того, проявления коррупции нередко маскируются в тени громких террористических атак, политических убийств и криминальных историй со скандальными медиазффектами.

В результате цифровой трансформации властно-элитная преступность стала жанром виртуального спектакля, сценарий которого предполагает использование фактов из частной жизни и историй о методах ведения бизнеса для дискредитации политических лидеров, применения к ним культуры отмены (cancel culture) [17].

¹ Путин: не надо прикрываться политикой, совершая преступления // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13281039?ysclid=lm8soorbab385071791>.

Реальная картина политической преступности остается в тени информационного шума от преступных ошибок политических лидеров, однако криминальные истории на сайтах Интернета надолго остаются в виртуальном информационном пространстве, дискредитируя (defame) политических лидеров. Диффамационные новости влекут для политиков своего рода виртуальную судимость, исключая для них возможность участия в государственном управлении.

Американские криминологи Мэри Додж (Mary Dodge) и Генри Понтелл (Henry N. Pontell) небезосновательно полагают, что из-за структурно завуалированной природы политического преступного поведения в целом число политических преступлений (как известных, так и неизвестных) может «превышать даже самые безумные оценки того, что происходит в мире элитарной преступности белых воротничков» [18, р. 195]. Нет сомнений в том, что преступления, «совершаемые высокопоставленными чиновниками, часто скрываются от общественности» [18, р. 195], однако и те криминальные истории, что предаются гласности, часто являются вымыслом и преследуют политические цели тех, кто их рассказывает [19–22].

Широко известно, что в США «смертная казнь применялась по политическим мотивам к социалистам, коммунистам и анархистам» [22, с. 195]. Так, взрыв на митинге-протесте рабочих на площади Хеймаркет в Чикаго 4 мая 1886 г. привел к казни через повешение активиста рабочего движения Августа Списа (August Spies) с тремя его соратниками, однако спустя несколько месяцев все они были реабилитированы, и в честь их политической позиции рабочим движением провозглашен Первомай [23].

В индустриальную эпоху криминальные инциденты дискредитировали публичную власть вне зависимости от политического режима. Нет сомнений в том, что Кровавое воскресенье 1905 г. и Новочеркасский расстрел 1962 г. становятся «конъектурным жупелом» [24, с. 151] и как печальный результат «борьбы рабочего класса за свои интересы и права» [24, с. 154] используются в диалоге власти и оппозиции для придания ему драматизма. Героизация жертв политического насилия, равно как и демонизация политических противников, — обычная практика делиберативной демократии. Парадокс здесь состоит в том, что с погибшими героями, как и с осужденными за совершение уголовных преступлений политическими противниками,

вести равноправный диалог не представляется возможным.

Партия власти и оппозиционные силы легко достигают консенсуса в вопросе поиска жертв и злодеев именно потому, что такие ролевые игры позволяют в рамках правового поля отстранить политических лидеров от демократических процедур и борьбы за власть, отменить их насовсем или на время выборов. Использование культуры отмены для устранения конкурентов свойственно олигархическим практикам не только в политической жизни общества, но и в сфере культуры, где подтвердившиеся в суде истории о сексуальных преступлениях Харви Вайнштейна² и рассказ о судебном разбирательстве между актерами Эмбер Херд и Джонни Деппом³ демонстрируют то, насколько разными могут быть сценарии криминальных нарративов.

Масштабы последствий устранения политических лидеров в современном мире стали очевидны с тех пор, как весьма сомнительный в плане законности и легитимности режим Муаммара Каддафи в Ливии был свергнут криминальным, по справедливому мнению профессора Д.А. Шестакова [25], силовым иностранным вмешательством в ливийскую внутреннюю политику. Противоправное наказание «диктатора и террориста Каддафи» [26] не только обернулось крушением государственности в Ливии, но и спровоцировало миграционный кризис в Европе — приток беженцев и социальных туристов из Африки. Системные нарушения прав человека в какой-то момент могли превратить Средиземное море в «Море крови»⁴, однако никто не понес ответственность за эту гуманитарную катастрофу.

Уголовное преследование политических лидеров решает несколько политических задач и порождает множество социальных проблем. Задачи партии власти в связи с уголовным пре-

² Harvey Weinstein // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography>.

³ Johnny Depp and Amber Heard defamation trial: Summary and timeline // NBC NEWS. URL: <https://www.nbcnews.com/pop-culture/pop-culture-news/johnny-depp-amber-heard-defamation-trial-summary-timeline-rca26136>.

⁴ Mediterranean will be 'sea of blood' without rescue boats, UN warns // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/09/mediterranean-sea-of-blood-migrant-refugee-rescue-boats-un-unhcr> ; Mediterranean the deadliest sea for refugees and migrants, says UN agency. URL: <https://news.un.org/en/story/2012/01/401822>.

следованием политических лидеров предполагают три сценария: наказать предателей и коррупционеров, устранить конкурентов в политической борьбе за счет применения норм уголовного законодательства, скомпрометировать оппозиционных лидеров. Наиболее явные социальные проблемы уголовного преследования политических лидеров — криминализация политики, героизация жертв несправедливого публичного насилия, подрыв авторитета политического класса. Результат уголовного преследования политических лидеров — это диффамация, ставящая под вопрос их политический авторитет посредством криминальных нарративов. Искусство политического лидерства состоит в обратном — в способности в сложных ситуациях действовать как Шарль де Голль (Charles de Gaulle), не переходить из политического поля в криминальную область [27].

Разграничение криминального и политического действия имеет юридическое значение в смысле Устава Международной организации уголовной полиции (Интерпола), которым международное сотрудничество ограничивается сферой борьбы с преступлениями по обычному уголовному праву (*ordinary law crimes*) (ст. 2) и Интерполу «категорически запрещается осуществлять какое-либо вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера» (ст. 3)⁵. Очевидно, что борьба с преступностью подчиняется логике разграничения общественно опасных деяний на политические и общеуголовные. В то время как общеуголовные преступления однозначно компрометируют политических лидеров, политизация уголовного права приводит на национальном уровне к возникновению политической преступности и наказанию политических заключенных.

В политической сфере появляются киберпреступления, так как «реальностью становится перевод значительной части материальной жизни... в цифровое, виртуальное пространство» [28, с. 155], изменяется структура политической преступности. С каждым электоральным циклом все больше правонарушений совершается в виртуальном пространстве социальных сетей, цифровые технологии все чаще применяются для нарушения политических прав граждан. В киберпространстве клевета и диффамация в

отношении политических лидеров становятся обычной практикой, органы власти для сохранения своего авторитета вынуждены криминализировать общественно опасные (экстремистские) речевые практики.

Известный ирландский ученый Филип Петтит (Philip Pettit) отмечает, что «криминализация носит регулирующий характер, поскольку она призвана снизить частоту совершения тех действий, против которых она направлена» [29]. С одной стороны, поскольку на международном уровне клевета и другие проявления диффамации остаются некриминализованными и пребывают в тени политических процессов по защите свободы слова [30], постольку положения национального права, подобные положениям ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации «Оскорбление представителя власти», могут интерпретироваться правозащитниками как попытка криминализации оппозиции или отдельных ее действий. С другой стороны, убийство Джорджа Флойда полицейским в Миннеаполисе в мае 2020 г. демонстрирует, что дискурс вокруг криминализации власти и дискредитация полиции не приводят к большей безопасности [31].

Уголовное преследование политических лидеров оставляет цифровой след и политизирует массмедийный дискурс. Журналисты популяризируют громкие криминальные истории. Граждане осуждают тех представителей политического класса, чьи преступления записаны на видеокамеры и показаны им через СМИ [32]. Криминальные нарративы влекут разноплановые последствия.

Во-первых, в мировом сообществе наблюдаются политические практики, свойственные Латинской Америке, где 1) большое число «негосударственных акторов (*nonstate actors*)» вовлечены в осуществление насилия и контроль над ним» [33], 2) организованная преступность ведет силовой диалог с властью, подобно Революционным вооруженным силам Колумбии (FARC) [34], и 3) виктимизация является «важной причиной политического участия», эффект от нее «эквивалентен дополнительным пяти — десяти годам образования» [35], и в итоге многие криминальные истории воспринимаются избирателями по логике участия в них в качестве жертвы или потерпевшего. Взаимосвязь между виктимизацией и участием в политической жизни может являться результатом предвзятости ответов, так как самоуверенные граждане «с

⁵ Устав Международной организации уголовной полиции Интерпола. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901939?ysclid=lnwn874s1x768908738>.

большей вероятностью положительно ответят на вопрос о виктимизации и с большей вероятностью будут участвовать в политике» [36].

Во-вторых, международные неправительственные организации (МНО), в том числе частные военные компании, принимают все большее политическое участие во внутренней политике государства и вмешиваются в нее [37]. Как справедливо отмечает британский ученый Николас Барнс (Nicholas Barnes), «организованное преступное насилие достигло беспрецедентного уровня и привело к такому же количеству насильственных смертей во всем мире, как и прямые вооруженные конфликты» [38, р. 967]. Участие негосударственных субъектов в транснациональном насилии и трансграничной преступности не вызывает сомнений и достаточно хорошо исследовано [39], однако «кризис неолиберализма» [40], исходящий от МНО, остается в тени насильственной преступности.

В-третьих, под влиянием криминальных нарративов на национальном уровне уголовное право совершенствуется в соответствии с нормами международных соглашений. Противодействие насильственным проявлениям политической преступности, таким как: 1) акты терроризма [41] в соответствии с Международной конвенцией о борьбе с бомбовым терроризмом⁶, 2) пытки [42] в понимании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁷ и 3) исчезновения людей [43] в смысле Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.⁸, становится когентной нормой (*jus cogens*) международного права, имеющей императивный характер.

Политические истории о том, как пытки и убийства приводят к насильственному исчезновению людей, рассказываются во многих странах, при этом государственные органы не признают случившееся преступлением до тех пор, пока не будут получены неопровержимые доказательства. Так, насильственное исчезновение и

смерть 43 учащихся педагогического колледжа в Игуале (Соединенные Штаты Мексики) в 2014 г. стали следствием коррупции, и история, рассказанная на сайте «New York Times», не оставляет в этом сомнений⁹.

Репутация политических лидеров ставится под вопрос их противниками с использованием криминальных нарративов. По политическим мотивам совершаются и государственные киберпреступления — «незаконные, вредные или несправедливые действия в киберпространстве» [44], при этом партия власти склонна квалифицировать обвинения в государственных преступлениях со стороны оппозиции как проявления экстремизма [45]. Партии власти в странах Африки систематически пытаются «криминализировать оппозицию» [46] как таковую, устранив ее с политического поля. Для стран Европы свойственна криминализация нацизма и других репрессивных практик прошлого для защиты общества от экстремистской идеологии [47].

Рост доли «ненасильственных политических преступлений — электоральной преступности и подстрекательства к экстремистской деятельности» [48, с. 32] в начале XXI в. отражает тенденцию к цифровизации политики. Вместе с тем индийские ученые Шабана Митра (Shabana Mitra) и Альтаф Шаджахан (Althaf Shajahan) отмечают, что «в годы выборов уровень насильственных преступлений значительно выше... результаты убедительно свидетельствуют о тесной связи между насильственными преступлениями и выборами и имеют решающее значение для растущих дебатов о криминализации политики в развивающихся странах» [49]. Амбивалентность криминализации политики находит выражение в тезисе о том, что «основным проявлением социальной и политической направленности киберпреступности является распространение *ложной информации или новостей* с целью опорочить имена политических деятелей» (курсив наш. — В. К., Г. А.) [50, с. 191].

Показательна история бывшего президента Интерпола Мэн Хунвэя (Meng Hongwei), который после ареста в 2018 г., по сообщению китайских властей, признался в получении взятки на сумму более 2 млн долл. и выразил сожаление по поводу своего преступления и был осужден на тринадцать с половиной лет лишения свобо-

⁶ Резолюция 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1997 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml.

⁷ Резолюция 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.

⁸ Резолюция 61/177 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2006 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml.

⁹ Why Did a Drug Gang Kill 43 Students? // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/02/world/americas/mexico-iguala-students-kidnapping.html>.

ды¹⁰. Политизация этой типичной коррупционной истории достигается средствами массовой информации Запада за счет рассказа со стороны Грейс Мэн, жены Мэн Хунвэя, которая изначально обратилась во французскую полицию с заявлением о пропаже своего мужа, а затем увязала уголовное преследование Мэн Хунвэя с проблемой защиты прав человека в Китае и возложила ответственность за политическое преследование Мэн Хунвэя на режим Си Цзиньпина (Xí Jìnpíng)¹¹.

Политизация дипломатического скандала вокруг убийства в генеральном консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле журналиста Джамаля Хашогги (Jamal Khashoggi) 3 октября 2018 г. отражает неолиберальную тенденцию обвинения через СМИ глав государств в причастности к преступлению¹². Под давлением мирового сообщества Саудовская Аравия признала факт смерти журналиста, пятеро исполнителей убийства были казнены. Цифровой след убийства — его аудиозапись — шокирует аудиторию. СМИ лишь создают интерпретации факта. Обвинение западными СМИ наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда ибн Салмана Аль Сауда обосновывается тем, что в убийстве замешан Сауд аль-Хахтани, главный помощник принца¹³.

Нарративная методика изучения политической преступности исследует то, как создаются истории о преступлениях, анализирует причины и последствия рассказов о нарушениях закона. Анализ историй о преступлениях представителей политического класса позволяет лучше понять их субъективную сторону и способствует осмыслению причин проникновения организованной преступности в политику [13]. Ввиду того что «постмодернистские интегративные концепции зарубежного криминологического знания... базируются на методологическом плюрализме» [51, с. 80], нарративная криминология, развивая свой особый подход, сосредоточила внимание на историях о мо-

тиваторах и субъектах преступлений. Анализ нарративов зависит от положения рассказчика в обществе и детерминированности культурного и политического поля. Иногда рассказчик не контролирует эти поля и совершает речевые действия неосознанно [52].

Применение по отношению к политической преступности различных способов проведения нарративного анализа (тематического, структурного, перформативного и диалогического) [53], по нашему мнению, может способствовать пониманию причин политизации уголовного права и того, как нормы уголовного права используются для решения политических задач.

Научный интерес к методам нарративной криминологии при анализе политической преступности определяется возможностями для понимания причин преследования конкретных политических лидеров. Нарративная криминология через проблемы «взайеризма, сочувствия, слушания и свидетельствования» ставит принципиальный вопрос об этической основе нарративных практик в криминологии [54]. Соблазн со стороны массовой аудитории подглядеть за политиками становится причиной популярности криминальных историй с участием представителей политического класса. Представляется, что Ребекка Банн (Rebecca Bunn) из Мельбурнского университета отождествляет здоровый интерес граждан к личности преступника с взайеризмом для актуализации этического дискурса вокруг криминальных нарративов [54].

Качество *тематического анализа* определяется пониманием политических целей, которые стоят как перед преступниками, так и перед правоохранными органами. С одной стороны, политическая преступность, — действия «представителей власти против своего населения» [55, с. 17], с другой стороны, оппозиция в своей борьбе за власть склонна действовать экстремистскими методами. Истории про коррупцию власти и экстремизм оппозиции [56] становятся основанием для политической борьбы в формате правоохранительной деятельности, что и приводит к криминализации политики.

В рамках *диалогического анализа* политической преступности исследователи справедливо задаются вопросом о различных голосах, которые можно найти в криминальных историях. Канадский социолог Артур Франк (Arthur W. Frank) разработал диалогический нарративный анализ для понимания смысла повествования [57]. Под влиянием теории интертексту-

¹⁰ Former Interpol chief Meng Hongwei jailed for bribery // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/21/former-interpol-chief-meng-hongwei-jailed-for-bribery>.

¹¹ The AP Interview: Meng Hongwei's wife slams 'monster' China // Associated Press. URL: <https://apnews.com/article/europe-china-france-lyon-china-government-b620d9229eba0dfe2617b98b4f2f7867>.

¹² Jamal Khashoggi // Sky News URL: <https://news.sky.com/topic/jamal-khashoggi-7812>.

¹³ Jamal Khashoggi // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/jamal-khashoggi>.

альности советского философа и литературного критика М.М. Бахтина на первом плане анализа оказываются эмоции и этика нарратива [58].

Американский социолог Кэтрин Риссман (Catherine Kohler Riessman) характеризует *перформативный анализ* как исследование того, как текст создается во взаимодействии и посредством диалога. При таком подходе к нарративному анализу взаимодействие, в котором происходит повествование, считается решающим в отношении того, какое повествование рассказывается и как оно понимается аудиторией. Нарративный анализ позволяет установить цель рассказа криминальной истории. В диалогической перформативной традиции вопрос не столько в том, о чем история и как она рассказывается, сколько в том, «кто говорит, когда и почему» [59, р. 18]. Для восприятия нарративов безусловно важны ситуация и круг действующих лиц [58].

Обывателю сложно без юмора относиться к криминальной истории об охоте на лося в октябре 2021 г., по итогам которой депутат Государственной Думы Российской Федерации В.Ф. Рашкин был приговорен к трем годам лишения свободы условно. Депутат В.Ф. Рашкин за браконьерство был лишен депутатского мандата. Его признание в том, что он «перепутал лося с кабаном», не только попало на сайт ТАСС¹⁴, но и породило лавину юмористического медиаконтента. В то время как историю охоты депутата Рашкина рассказывали органы следствия, избирателю могло показаться, что она носит политический характер, однако в авторском изложении самого преступника история охоты на лося становится мемом и трагикомичным фарсом.

Констатация того факта, что число негативных публикаций сильно выросло после того, как Рашкин «признался в убийстве лося» [60], связана именно с изменением рассказчика истории. Признание вины как метанарратив, целью которого является избежание наказания за совершенное преступление, окончательно превращает политика в преступника [61]. Структурный анализ нарратива ассоциирует депутата с браконьерством. Цифровой след этой истории становится для фигуранта виртуальной судимостью, которую невозможно снять спустя десятилетия после факта совершения этого преступления средней степени тяжести.

¹⁴ Рашкин Валерий Федорович // ТАСС. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/rashkin-valeriy-fedorovich?ysclid=lnpgteopb9760931874>.

Криминальный секс-скандал с американским конгрессменом Энтони Вайнером (Anthony David Weiner), длившийся с 2011 по 2016 г., развивался по тому же сценарию, что и история об охоте депутата Рашкина в 2021 г. Фабула дела основана на неопровержимых доказательствах, широко распространяемых через цифровые медиа. Поворотной точкой этого спектакля является признание преступника, превращающее политическую историю в ситуационную комедию и фарс. 17 февраля 2019 г. сообщалось, что «бывший конгрессмен Энтони Вайнер был досрочно освобожден из тюрьмы после отбытия срока за отправку сообщений сексуального характера 15-летней девочке»¹⁵.

Использование Э. Вайнером при совершении преступления компьютера кандидата в президенты США (в связи с тем, что его жена Хума Аббедин была личным секретарем Хилари Клинтон) на фоне выхода в свет документального фильма «Weiner» в 2016 г. окончательно превращает дело в трагикомедию, которая оказала давление на Демократическую партию США. Признание Э. Вайнером проблем с психическим здоровьем в рассказе таблоида «The Guardian»¹⁶ безусловно ставит крест на карьере некогда преуспевающего конгрессмена. Окончательно в фарс это уголовное дело превращает сайт «New York Post»¹⁷.

Структурный нарративный анализ затрагивает этические вопросы, которые возникают в связи с рассказом криминальных историй. Для Эми Шуман (Amy Shuman) это вопросы сочувствия, связанные с правом. Когда истории рассказываются теми, кто «пережил этот опыт», существует «очевидное и обычно неоспоримое право интерпретировать этот опыт» [62, р. 18]. Таким образом, истории, рассказанные журналистами, органами следствия и судом, не вызывают такого сочувствия, «эмпатии» [63] и сопричастности массовой аудитории, как рассказы преступников, жертв и очевидцев [62].

¹⁵ Anthony Weiner Released from Prison Early on Underage Sexting Sentence // HuffPost. URL: https://www.huffpost.com/entry/anthony-weiner-released-prison_n_5c6991d3e4b033a799439ba6.

¹⁶ Anthony Weiner sent sexually explicit messages to 15-year-old, report says // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/sep/21/anthony-weiner-sexually-explicit-messages-teen-daily-mail>.

¹⁷ Anthony Weiner accused of sexting relationship with 15-year-old girl // New York Post. URL: <https://nypost.com/2016/09/21/anthony-weiner-accused-of-sexting-relationship-with-15-year-old-girl>.

Интерпретации нарративов глобальной олигархической преступности во многом зависят от конкретной политической ситуации. Неудобные власти политические активисты часто сталкиваются с уголовным преследованием. Так, в США Линдон Ларуш (Lyndon La Rouché) в связи с его левыми политическими взглядами и «приверженностью идеям Вернадского» [64] на некоторое время стал политическим заключенным. По законам США Линдона Ларуша обвиняли в клевете, предательстве, неуплате налогов и мошенничестве при сборе средств на общественные инициативы, последнее привело к обвинительному приговору суда, очевидно политизированному¹⁸.

Цифровизация приводит к постепенному изменению криминальных нарративов. Цифровой след от камер видеонаблюдения и посещения сайтов Интернета дополняется намеренной дезинформацией и выдумками — фейками [65]. Распространение дезинформации через социальные сети и медиа-платформы практически невозможно предотвратить [66]. Тематический нарративный анализ властно-элитной преступности показывает, что для дезинформации помимо клеветы и вмешательства в частную жизнь в политической борьбе активно используются коррупционные и экстремистские нарративы.

Ярким примером политического нарратива является криминальная история о французском политике Доминике Стросс-Кане — трагикомедия в двух актах с оправдательным приговором и виртуальной судимостью через мультимедийные нарративы.

В 2011 г. на тот момент директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ) Д. Стросс-Кан собирался баллотироваться на выборах президента Французской Республики [67], однако его жизнь изменило обвинение в домогательствах от Нафиссату Диалло, служащей отеля в Нью-Йорке [68], — это первый акт. Под разными заголовками несостоятельное дело «New York v. Strauss-Kahn» рассказывают сайты «Wikipedia», «New York Times», «BBC», однако суть послания напрямую решается выразить издание «Daily Mail», цитирующее потерпевшую по делу в заголовке «Сидел бы в тюрьме, если бы был беден»¹⁹. Вывод о том,

что «медийный скандал вокруг обвинений в попытке изнасилования горничной в адрес бывшего директора-распорядителя МВФ Доминика Стросс-Кана — яркий пример манипуляции сознанием обывателя» [69], можно дополнить результатами контент-анализа: Стросс-Кан уволился из МВФ, не мог участвовать в выборах и был сильно скомпрометирован, хотя уголовное дело развалилось.

Ввиду того что первый акт истории Стросс-Кана выглядел нелепой провокацией²⁰, во втором акте Д. Стросс-Кан с февраля 2012 г. обвиняется в сутенерстве во Франции. Адвокаты Д. Стросс-Кана утверждали, что он не знал, что женщины, с которыми обвиняемый общался, занимаются проституцией. После того как Д. Стросс-Кан самолично признал, что «редко участвовал в секс-вечеринках, так как «спасал мир» от финансового кризиса»²¹. Суд 12 июня 2015 г. его оправдал, однако на политической карьере Д. Стросс-Кана был поставлен крест; его имя за четыре года стало прочно ассоциироваться с криминальными историями сексуального содержания, в медийном дискурсе сформировалось то, что мы называем виртуальной судимостью.

Заключение

Криминализация политики и политизация уголовного права связаны с цифровой трансформацией общественных отношений: во-первых, партия власти криминализирует отдельные действия оппозиции в киберпространстве, стремясь защитить свою репутацию и свое привилегированное положение, во-вторых, оппозиция стремится дискредитировать власть посредством распространения криминальных нарративов (в том числе клеветы и фейков) через цифровые средства массовой коммуникации. На этом фоне нарративный анализ властно-элитной преступности отражает факты проникновения во власть граждан с низким уровнем право-

co.uk/femail/article-8718535/Nafissatou-Diallo-said-alleged-sexual-assault-Dominique-Strauss-Kahn-2011-ruined-life.html.

²⁰ Gardner D. Vladimir Putin claims Dominique Strauss-Kahn is the victim of a conspiracy to force him out // Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-1392463/Vladimir-Putin-claims-Dominique-Strauss-Kahn-victim-conspiracy-force-out.html>.

²¹ Strauss-Kahn's presidential dreams curtailed sex party attendance // CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2015/02/10/strauss-kahns-presidential-dreams-curtailed-sex-party-attendance.html>.

¹⁸ LaRouché Appeal Is Rebuffed by Supreme Court // The Washington Post. 1989. July 4. P. B5.

¹⁹ Hotel maid who claims IMF boss Dominique Strauss-Kahn sexually assaulted her says he'd «be in prison if he was poor» // Daily Mail. URL: <https://www.dailymail.com>.

вой культуры и лиц, которые не только связаны с криминальным миром, но и сами совершают общеуголовные преступления.

Криминологический анализ медийных нарративов представляется интересным направлением для исследования политической преступности. С одной стороны, криминализация речевых деликтов — типичных приемов политической борьбы, связанных с дискредитацией оппонентов и их достижений, различных практик экстремистского дискурса и политического перформанса — оказывает значительное влияние на работу СМИ. С другой стороны, преследование и наказание политических лидеров не только осуществляются на основании обвинительного приговора суда по уголовному делу, но и достигаются в результате освещения в СМИ уголовного преследования представителей политического класса.

Результатом общественного диалога в сети Интернет вокруг преступлений, возможно совершенных политическими лидерами, становится виртуальная судимость — социальное состояние гражданина, который обвинялся в преступлении и в отношении которого через средства массовой коммуникации были распространены сведения о преступлении, к которому он причастен. Виртуальная судимость актуальна до тех пор, пока цифровой след совершенного деяния и криминальные нарративы, созданные вокруг него, сохраняются в киберпространстве. Диффамация политических лидеров посредством создания эффекта виртуальной судимости может в перспективе стать квалифицирующим обстоятельством при клевете и преступлениях экстремистской направленности совершенных с использованием цифровых технологий и СМИ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Understanding Corruption: How Corruption Works in Practice / R. Barrington, E. Dávid-Barrett, S. Power, D. Hough. — Newcastle upon Tyne : Agenda Publishing, 2022. — 280 p. — DOI 10.2307/j.ctv2b6z856.
2. Nacos B.L. Donald Trump: Aggressive Rhetoric and Political Violence / B.L. Nacos, R.Y. Shapiro, Y. Bloch-Elkon // *Perspectives on Terrorism*. — 2020. — Vol. 14, iss. 5. — P. 2–25.
3. Arceneaux K. Donald Trump and the Lie / K. Arceneaux, R. Truex. — DOI 10.1017/S1537592722000901 // *Perspectives on Politics*. — 2023. — Vol 21, iss. 3. — P. 863–879.
4. Horder J. Criminal Fraud and Election Disinformation: Law and Politics / J. Horder. — Oxford Univ. Press, 2022. — 224 p. — DOI 10.1093/oso/9780192844545.003.0003.
5. Truth Will Prevail: Why I Was Condemned / Luiz Inácio Lula da Silva, Jamille Pinheiro Dias, Breno Longhi, Eduardo W. Portela e Silva. — OR Books, 2018. — 242 p. — DOI 10.2307/j.ctv8bt2vp.
6. Restrepo Sanin J. Criminalizing Violence against Women in Politics: Innovation, Diffusion, and Transformation / J. Restrepo Sanin. — DOI 10.1017/S1743923X20000173 // *Politics & Gender*. — 2022. — Vol. 18, iss. 1. — P. 1–32.
7. Bose B.P.C. Criminalisation of Politics: Need for Fundamental Reform / B.P.C. Bose, M.V.S.K. Rao. — DOI 10.2307/41856166 // *The Indian Journal of Political Science*. — 2005. — Vol. 66, iss. 4. — P. 733–754.
8. Kaur Dr.J. Criminalization of Politics and Politicization of Criminals: A Need for Decriminalization / Dr.J. Kaur // *Maharishi Journal of Law and Society*. — 2019. — Vol. 2, iss. 1-2. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4081762.
9. Wacquant L. Punishing The Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity / L. Wacquant. — Durham [NC] : Duke Univ. Press. 2009. — 384 p. — DOI 10.1215/9780822392255 Duke University.
10. Neumayer L. The Criminalization of Communism in the European Political Space after the Cold War / L. Neumayer. — Routledge, 2018. — 242 p.
11. Narrative Criminology: Understanding Stories of Crime / eds. L. Presser, S. Sandberg. — NYU Press. — 2015. — 336 p.
12. Presser L. Narrative Criminology as Critical Criminology / L. Presser, S. Sandberg. — DOI 10.1007/s10612-019-09437-9 // *Critical Criminology*. — 2019. — Vol. 27. — P. 131–143.
13. The Emerald Handbook of Narrative Criminology / eds. J. Fleetwood, L. Presser, S. Sandberg, T. Ugelvik. — Emerald, 2019. — 520 p.
14. Presser L. The Narratives of Offenders / L. Presser. — DOI 10.1177/1362480609102878 // *Theoretical Criminology*. — 2009. — Vol. 13. — P. 177–200.
15. Presser L. Criminology and the Narrative Turn / L. Presser — DOI 10.1177/1741659015626203 // *Crime, Media, Culture*. — 2016. — Vol. 12. — P. 137–151.
16. Лопушанский И.Н. Политическая криминология: потенциал и перспективы / И.Н. Лопушанский. — EDN TDPABV // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. — 2010. — № 1 (18). — С. 45–48.
17. Koh S.A. Cancel Culture and Criminal Justice / S.A. Koh // *Hastings Law Journal*. — 2022. — Vol. 74, iss. 1. — P. 79–122.
18. Dodge M. Political Crime and Corruption Take Center Stage: introductory notes / M. Dodge, H.N. Pontell. — DOI 10.1007/s10611-021-09950-5 // *Crime, Law and Social Change*. — 2021. — Vol. 75. — P. 195–200.
19. Calanchi A. Crime, Crime Fiction, and the Construction of Public Feeling through the Media in Italy / A. Calanchi // *Italian Americana*. — 2014. — Vol. 32, iss. 2. — P. 172–184.
20. Goulet A. Editors' Preface: Crime Fictions / A. Goulet, S. Lee — DOI 10.2307/4149293 // *Yale French Studies*. — 2005. — Vol. 108. — P. 1–7.
21. Callanan V.J. Media Consumption, Perceptions of Crime Risk and Fear of Crime: Examining Race/Ethnic Differences / V.J. Callanan — DOI 10.1525/sop.2012.55.1.93 // *Sociological Perspectives*. — 2012. — Vol. 55, iss. 1. — P. 93–115.

22. Зорин А.В. Политическая преступность как историко-правовое явление / А.В. Зорин — EDN PBHJQV // Общество и право. — 2011. — № 5 (37). — С. 195–202.
23. Avrich P. The Haymarket Tragedy / P. Avrich. — Princeton Univ. Press, 1984. — 535 p. — DOI 10.2307/j.ctv173f0tq.
24. Савченко Л.Г. Некоторые аспекты истории изучения отечественной историографии Новочеркасской трагедии 1962 года / Л.Г. Савченко. — EDN KFPFYV // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность : материалы Междунар. науч. конф., Иркутск, 21 апр. 2021 г. — Иркутск, 2021. — С. 150–155.
25. Шестаков Д.А. Преступное вмешательство в политику суверенного государства: криминологические вопросы / Д.А. Шестаков. — EDN OZGZDV // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 3 (26). — С. 12–17.
26. Kuperman A.J. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign / A.J. Kuperman. — DOI 10.1162/ISEC_a_00126 // International Security. — 2013. — Vol. 38, iss. 1. — P. 105–136.
27. Кириленко В.П. Легитимность демократии в работах Макса Вебера и Карла Шмитта / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев. — DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.305. — EDN YGABRO // Правоведение. — 2018. — Т. 62, № 3. — С. 501–517.
28. Репецкая А.Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности / А.Л. Репецкая. — DOI 10.25513/1990-5173.2018.1.151-156. — EDN WBDMLB // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2018. — № 1 (54). — С. 151–156.
29. Pettit P. Criminalization in Republican Theory / P. Pettit // In Criminalization. — Oxford, 2014. — P. 132–150. — DOI 10.1093/acprof:oso/9780198726357.003.0005.
30. Кириленко В.П. Свобода слова и медиабезопасность / В.П. Кириленко, В.А. Шамахов, Г.В. Алексеев. — Санкт-Петербург, 2019. — 440 с. — EDN OODQGO.
31. Ghosh A. Essays on the Political Economy of Crime and Punishment / A. Ghosh. — University of Leicester, 2021. — 164 p. — DOI 10.25392/leicester.data.16988230.v1.
32. Grosholz J. Crime in the News: How Crimes, Offenders and Victims are Portrayed in the Media / J. Grosholz, C. Kubrin // Journal of Criminal Justice and Popular Culture. — 2007. — Vol. 14. — P. 59–83.
33. Mazzaro K. Crime and the Construction of Political Order in Latin America / K. Mazzaro. — DOI 10.1017/lap.2018.43 // Latin American Politics and Society. — 2018. — Vol. 60, iss. 4. — P. 113–122.
34. Mateus-Rugeles A. Narcotrafic as Connected Political Crime in Colombia: The FARC Case / A. Mateus-Rugeles, P.C. Arias // The University of Miami Inter-American Law Review. — 2020. — Vol. 51, iss. 2. — P. 1–62.
35. Bateson R. Crime Victimization and Political Participation / R. Bateson. — DOI 10.1017/S0003055412000299 // American Political Science Review. — 2012. — Vol. 106, iss. 3. — P. 570–587.
36. Boulding C. Crime, Violence, and Political Participation / C. Boulding, S. Mullenax, K. Schauer. — DOI 10.1093/ijpor/edab032 // International Journal of Public Opinion Research. — 2022. — Vol. 34, iss. 1.
37. Thomas W. The New Dogs of War: Nonstate Actor Violence in International Politics / W. Thomas. — Cornell Univ. Press, 2021. — 276 p.
38. Barnes N. Criminal Politics: An Integrated Approach to the Study of Organized Crime, Politics, and Violence / N. Barnes. — DOI 10.1017/S1537592717002110 // Perspectives on Politics. — 2017. — Vol. 15, iss. 4. — P. 967–987.
39. Bello V. One Concept for Different Roles? Private vs. Collective Interests in Nonstate Actors Governance of Violence and Crime / V. Bello. — DOI 10.1111/misr.12222 // International Studies Review. — 2015. — Vol. 17, iss. 2. — P. 341–343.
40. Кириленко В.П. Естественное право и кризис либерального правопорядка / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев, М. Пачек. — DOI 10.21638/spbu14.2019.103. — EDN YYVKNK // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2019. — Т. 10, № 1. — С. 38–54.
41. Morrison J.F. Splitting to Survive: Understanding Terrorist Group Fragmentation / J.F. Morrison. — DOI 10.1108/JCRP-07-2016-0013 // Journal of Criminological Research, Policy and Practice. — 2017. — Vol. 3, iss. 3. — P. 222–232.
42. Moli G. Torture by Non-state Actors: Four Inquiries / Ginevra Le Moli. — DOI 10.1093/jicj/mqab029 // Journal of International Criminal Justice. — 2021. — Vol. 19, iss. 2. — P. 363–391.
43. Ayat M. The Controversial Involvement of Non-State Actors in the Commission of Enforced Disappearances: An Introduction / M. Ayat. — DOI 10.1017/crj.2023.4 // International Annals of Criminology. — 2022. — Vol. 60, iss. 3. — P. 309–316.
44. Lavorgna A. Unpacking the Political-Criminal Nexus in State-Cybercrimes: a Macro-Level Typology / A. Lavorgna. — DOI 10.1007/s12117-023-09486-1 // Trends in Organized Crime. — 2023. — P. 1–20.
45. Kleinfeld R. The Rise of Political Violence in the United States / R. Kleinfeld. — DOI 10.1353/jod.2021.0059 // Journal of Democracy. — 2021. — Vol. 32, iss. 4. — P. 160–176.
46. Chanock M. Criminalising Political Opposition. In The Making of South African Legal Culture 1902–1936: Fear, Favour and Prejudice / M. Chanock. — Cambridge Univ. Press, 2001. — 571 p.
47. Cristiano F. Criminalisation of Political Activism: a Conversation Across Disciplines / F. Cristiano. — DOI 10.1080/21624887.2023.2188628 // Critical Studies on Security. — 2023. — Vol. 11, iss. 2. — P. 106–125.
48. Кабанов П.А. Российская политическая преступность начала XXI века: криминологический анализ статистических показателей / П.А. Кабанов — EDN OUYFDT // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 1 (24). — С. 32–37.
49. Mitra S. Crime, Elections, and Political Competition / S. Mitra, A. Shajahan. — DOI 10.1111/rode.12916 // Review of Development Economics. — 2022. — Vol. 26, iss. 4. — P. 2394–2413.
50. Таков А.З. Социальные и политические мотивированные формы проявления киберпреступности / А.З. Таков. — EDN JLJYWR // Пробелы в российском законодательстве. — 2022. — Т. 15, № 5. — С. 190–194.
51. Судакова Т.М. Принципы интегративного криминологического знания в зарубежной и российской доктринах / Т.М. Судакова. — DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).80-88. — EDN EBJJCE // Академический юридический журнал. — 2023. — Т. 24, № 1 (91). — С. 80–88.
52. Verde A. Narrative Criminology: Crime as Produced by and Re-Lived Through Narratives / A. Verde. — DOI 10.1093/acrefore/9780190264079.013.156 // Oxford University Press. — 2017. — 26 Sept.

53. Sandberg S. Narrative Analysis in Criminology / S. Sandberg. — DOI 10.1080/10511253.2022.2027479 // Journal of Criminal Justice Education. — 2022. — Vol. 33, iss. 2. — P. 212–229.
54. Bunn R. Critical Narratives or Crime Stories? The Ethics and Politics of Narrative Research in Criminology / R. Bunn. — DOI 10.1093/bjc/azac101 // British Journal of Criminology. — 2023. — Vol. 63. — P. 1–17.
55. Гаджиева А.А. Политическая преступность в современной России и проблемы ее предупреждения / А.А. Гаджиева. — EDN YLYUUS // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 7. — С. 17–21.
56. Глобальный индекс экстремизма / Г.В. Алексеев, Н.А. Аргылов, А.В. Байчик [и др.]. — Санкт-Петербург, 2023. — 416 с. — EDN JTDRWY.
57. Frank A.W. Why Study People's Stories? The Dialogical Ethics of Narrative Analysis / A.W. Frank. — DOI 10.1177/160940690200100102 // International Journal of Qualitative Methods. — 2002. — Vol. 1. — P. 1–25.
58. Frank A.W. What Is Dialogical Research, and Why Should We Do It? / A.W. Frank. — DOI 10.1177/1049732305279078 // Qualitative Health Research. — 2005. — Vol. 15, iss. 7. — P. 964–974.
59. Riessman C.K. Narrative Methods for the Human Sciences / C.K. Riessman. — London : Sage Publications, 2008. — 264 p.
60. Быков И.А. Репутационный кризис в политике: к вопросу о пользе метода кейс-стади / И.А. Быков. — EDN KKDUOE // Российская школа связей с общественностью. — 2022. — № 26. — С. 146–160.
61. Laws B. Reimaging «the Self» in Criminology: Transcendence, Unconscious States and the Limits of Narrative Criminology / B. Laws. — DOI 10.1177/1362480620919102 // Theoretical Criminology. — 2020. — Vol. 26, iss. 6. — P. 475–493.
62. Shuman A. Other People's Stories: Entitlement Claims and the Critique of Empathy / A. Shuman. — Shuman Univ. of Illinois Press, 2010. — 200 p.
63. Brown M. Empathy and Punishment / M. Brown. — DOI 10.1177/1462474512452507 // Punishment & Society. — 2012. — Vol. 14, iss. 4. — P. 383–401.
64. Ronfeldt D. Whose Story Wins: Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft / D. Ronfeldt, J. Arquilla. — Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2020. — 99 p.
65. Wood A.K. Fool Me Once: Regulating «Fake News» and Other Online Advertising / A.K. Wood, A.M. Ravel // Southern California Law Review. — 2018. — Vol. 91. — P. 1223–1278.
66. Jacobs L.G. Freedom of Speech and Regulation of Fake News / L.G. Jacobs. — DOI 10.1093/ajcl/avac010 // The American Journal of Comparative Law. — 2022. — Vol. 70, iss. 1. — P. i278–i311.
67. Raymond K. France's Left Turn: Mapping the 2012 Elections / K. Raymond, M. Rainbow. — DOI 10.1093/pa/gss074 // Parliamentary Affairs. — 2013. — Vol. 66, iss. 1. — P. 1–16.
68. Yousif K. «Les liaisons dangereuses»: Media, Literature, and «l'affaire» Strauss-Kahn / K. Yousif // The French Review. — 2013. — Vol. 86, iss. 5. — P. 898–911.
69. Ажгихина Н.И. Их Стросс-Кан и наш закон / Н.И. Ажгихина. — EDN ZDJSUT // Гендер и СМИ. — 2010. — № 3. — С. 51–57.

REFERENCES

1. Barrington R., Dávid-Barrett E., Power S., Hough D. *Understanding Corruption: How Corruption Works in Practice*. Newcastle upon Tyne, Agenda Publishing, 2022. 280 p. DOI: 10.2307/j.ctv2b6z856.
2. Nacos B.L., Shapiro R.Y., Bloch-Elkon Y. Donald Trump: Aggressive Rhetoric and Political Violence. *Perspectives on Terrorism*, 2020, vol. 14, iss. 5, pp. 2–25.
3. Arceneaux K., Truex R. Donald Trump and the Lie. *Perspectives on Politics*, 2023, vol. 21, iss. 3, pp. 863–879. DOI: 10.1017/S1537592722000901.
4. Horder J. *Criminal Fraud and Election Disinformation: Law and Politics*. Oxford University Press, 2022. 224 p. DOI: 10.1093/oso/9780192844545.003.0003.
5. Luiz Inácio Lula da Silva, Jamille Pinheiro Dias, Breno Longhi, Eduardo W. Portela e Silva. *Truth Will Prevail: Why I Was Condemned*. OR Books, 2018. 242 p. DOI: 10.2307/j.ctv8bt2vp.
6. Restrepo Sanin J. Criminalizing Violence against Women in Politics: Innovation, Diffusion, and Transformation. *Politics & Gender*, 2022, vol. 18, iss. 1, pp. 1–32. DOI: 10.1017/S1743923X20000173.
7. Bose B.P.C., Rao M.V.S.K. Criminalisation of Politics: Need for Fundamental Reform. *The Indian Journal of Political Science*, 2005, vol. 66, iss. 4, pp. 733–754. DOI: 10.2307/41856166.
8. Kaur Dr.J. Criminalization of Politics and Politicization of Criminals: A Need for Decriminalization. *Maharishi Journal of Law and Society*, 2019, vol. 2, iss. 1-2. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4081762.
9. Wacquant L. *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham [NC], Duke University Press, 2009. 384 p. DOI: 10.1215/9780822392255.
10. Neumayer L. *The Criminalization of Communism in the European Political Space after the Cold War*. Routledge, 2018. 242 p.
11. Presser L., Sandberg S. (eds.). *Narrative Criminology: Understanding Stories of Crime*. NYU Press, 2015. 336 p.
12. Presser L., Sandberg S. Narrative Criminology as Critical Criminology. *Critical Criminology*, 2019, vol. 27, pp. 131–143. DOI: 10.1007/s10612-019-09437-9.
13. Fleetwood J., Presser L., Sandberg S., Ugelvik T. (eds.). *The Emerald Handbook of Narrative Criminology*. Emerald, 2019. 520 p.
14. Presser L. The Narratives of Offenders. *Theoretical Criminology*, 2009, vol. 13, pp. 177–200. DOI: 10.1177/1362480609102878.
15. Presser L. Criminology and the Narrative Turn. *Crime, Media, Culture*, 2016, vol. 12, pp. 137–151. DOI: 10.1177/1741659015626203.
16. Lopushanskii I.N. Political Criminology: Potential and Prospects. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2010, no. 1, pp. 45–48. (In Russian). EDN: TDPABB.

17. Koh S.A. Cancel Culture and Criminal Justice. *Hastings Law Journal*, 2022, vol. 74, iss. 1, pp. 79–122.
18. Dodge M., Pontell H.N. Political Crime and Corruption Take Center Stage: introductory notes. *Crime, Law and Social Change*, 2021, vol. 75, pp. 195–200. DOI: 10.1007/s10611-021-09950-5.
19. Calanchi A. Crime, Crime Fiction, and the Construction of Public Feeling through the Media in Italy. *Italian Americana*, 2014, vol. 32, iss. 2, pp. 172–184.
20. Goulet A., Lee S. Editors' Preface: Crime Fictions. *Yale French Studies*, 2005, vol. 108, pp. 1–7. DOI: 10.2307/4149293.
21. Callanan V.J. Media Consumption, Perceptions of Crime Risk and Fear of Crime: Examining Race/Ethnic Differences. *Sociological Perspectives*, 2012, vol. 55, iss. 1, pp. 93–115. DOI: 10.1525/sop.2012.55.1.93.
22. Zorin A.V. Political Crimes as a Historical-legal Phenomenon. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 5, pp. 195–202. (In Russian). EDN: PBHJQV.
23. Avrich P. *The Haymarket Tragedy*. Princeton University Press, 1984. 535 p. DOI: 10.2307/j.ctv173f0tq.
24. Savchenko L.G. Some Aspects of the History of Studying the Domestic Historiography of the Novocherkass Tragedy of 1962. *People of Russia, Siberia and Oriental Countries: History and Modernity. Materials of International Scientific Conference, Irkutsk, April 21, 2021*. Irkutsk, 2021, pp. 150–155. (In Russian). EDN: KFPFYV.
25. Shestakov D.A. Criminal Interference in the Policy of an Independent State: Criminological Aspects. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2012, no. 3, pp. 12–17. (In Russian). EDN: OZGZDV.
26. Kuperman A.J. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign. *International Security*, 2013, vol. 38, iss. 1, pp. 105–136. DOI: 10.1162/ISEC_a_00126.
27. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. Legitimacy of Democracy in the Works by Max Weber and Carl Schmit. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 501–517. (In Russian). EDN: YGABRO DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.305.
28. Repetskaya A. The Current State, Structure and Trends of Russian Crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2018, no. 1, pp. 151–156. (In Russian). EDN: WBDMLB. DOI: 10.25513/1990-5173.2018.1.151-156.
29. Pettit P. Criminalization in Republican Theory. In *Criminalization*. Oxford, 2014, pp. 132–150. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198726357.003.0005.
30. Kirilenko V.P., Shamakhov V.A., Alekseev G.V. *Freedom of Speech and Media Security*. Saint Petersburg, 2019. 440 p. EDN: OODQGO.
31. Ghosh A. *Essays on the Political Economy of Crime and Punishment*. University of Leicester, 2021. 164 p. DOI: 10.25392/leicester.data.16988230.v1.
32. Grosholz J., Kubrin C. Crime in the News: How Crimes, Offenders and Victims are Portrayed in the Media. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 2007, vol. 14, pp. 59–83.
33. Mazzaro K. Crime and the Construction of Political Order in Latin America. *Latin American Politics and Society*, 2018, vol. 60, iss. 4, pp. 113–122. DOI: 10.1017/lap.2018.43.
34. Mateus-Rugeles A., Arias P.C. Narcotrafic as Connected Political Crime in Colombia: The FARC Case. *The University of Miami Inter-American Law Review*, 2020, vol. 51, iss. 2, pp. 1–62.
35. Bateson R. Crime Victimization and Political Participation. *American Political Science Review*, 2012, vol. 106, iss. 3, pp. 570–587. DOI: 10.1017/S0003055412000299.
36. Boulding C., Mullenax S., Schauer K. Crime, Violence, and Political Participation. *International Journal of Public Opinion Research*, 2022, vol. 34, iss. 1. DOI: 10.1093/ijpor/edab032.
37. Thomas W. *The New Dogs of War: Nonstate Actor Violence in International Politics*. Cornell University Press, 2021. 276 p.
38. Barnes N. Criminal Politics: An Integrated Approach to the Study of Organized Crime, Politics, and Violence. *Perspectives on Politics*, 2017, vol. 15, iss. 4, pp. 967–987. DOI: 10.1017/S1537592717002110.
39. Bello V. One Concept for Different Roles? Private vs. Collective Interests in Nonstate Actors Governance of Violence and Crime. *International Studies Review*, 2015, vol. 17, iss. 2, pp. 341–343. DOI: 10.1111/misr.12222.
40. Kirilenko V.P., Alekseev G.V., Patsek M. Natural Law and the Crisis of Liberal Legal Order. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, no. 1, pp. 38–54. (In Russian). EDN: YVYKNN. DOI: 10.21638/spbu14.2019.103.
41. Morrison J.F. Splitting to Survive: Understanding Terrorist Group Fragmentation. *Journal of Criminological Research, Policy and Practice*, 2017, vol. 3, iss. 3, pp. 222–232. DOI: 10.1108/JCRPP-07-2016-0013.
42. Moli G. Torture by Non-state Actors: Four Inquiries. *Journal of International Criminal Justice*, 2021, vol. 19, iss. 2, pp. 363–391. DOI: 10.1093/jicj/mqab029.
43. Ayat M. The Controversial Involvement of Non-State Actors in the Commission of Enforced Disappearances: An Introduction. *International Annals of Criminology*, 2022, vol. 60, iss. 3, pp. 309–316. DOI: 10.1017/cri.2023.4.
44. Lavorgna A. Unpacking the Political-Criminal Nexus in State-Cybercrimes: a Macro-Level Typology. *Trends in Organized Crime*, 2023, pp. 1–20. DOI: 10.1007/s12117-023-09486-1.
45. Kleinfeld R. The Rise of Political Violence in the United States. *Journal of Democracy*, 2021, vol. 32, iss. 4, pp. 160–176. DOI: 10.1353/jod.2021.0059.
46. Chanock M. *Criminalising Political Opposition. In The Making of South African Legal Culture 1902–1936: Fear, Favour and Prejudice*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 571 p.
47. Cristiano F. Criminalisation of Political Activism: a Conversation Across Disciplines. *Critical Studies on Security*, 2023, vol. 11, iss. 2, pp. 106–125. DOI: 10.1080/21624887.2023.2188628.
48. Kabanov P.A. Russian Political Crimes of the Early 21st Century: Criminological Analysis of Statistical Indicators. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2012, no. 1, pp. 32–37. (In Russian). EDN: OYYFDT.
49. Mitra S., Shajahan A. Crime, Elections, and Political Competition. *Review of Development Economics*, 2022, vol. 26, iss. 4, pp. 2394–2413. DOI: 10.1111/rode.12916.

50. Takov A.Z. Social and Politically Motivated Forms of Manifestation of Cybercrime. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2022, vol. 15, no. 5, pp. 190–194. (In Russian). EDN: JLJYWR.
51. Sudakova T.M. Principles of Integrative Criminological Knowledge in Foreign and Russian Doctrine. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2023, vol. 24, no. 1, pp. 80–88. (In Russian). EDN: EBJJCE. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(1).80-88.
52. Verde A. Narrative Criminology: Crime as Produced by and Re-Lived Through Narratives. *Oxford University Press*, 2017, 26 September. DOI: 10.1093/acrefore/9780190264079.013.156.
53. Sandberg S. Narrative Analysis in Criminology. *Journal of Criminal Justice Education*, 2022, vol. 33, iss. 2, pp. 212–229. DOI: 10.1080/10511253.2022.2027479.
54. Bunn R. Critical Narratives or Crime Stories? The Ethics and Politics of Narrative Research in Criminology. *British Journal of Criminology*, 2023, vol. 63, pp. 1–17. DOI: 10.1093/bjc/azac101.
55. Gadzhieva A.A. Political Crime in Contemporary Russia and Its Prevention. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 7, pp. 17–21. (In Russian). EDN: YLYUUS.
56. Alekseev G.V., Argylov N.A., Baichik A.V., Bastrykin A.I., Bychkova A.M. [et al.]. *Global Extremism Index*. Saint Petersburg, 2023. 416 p. EDN: JTDREWY.
57. Frank A.W. Why Study People's Stories? The Dialogical Ethics of Narrative Analysis. *International Journal of Qualitative Methods*, 2002, vol. 1, pp. 1–25. DOI: 10.1177/160940690200100102.
58. Frank A.W. What Is Dialogical Research, and Why Should We Do It? *Qualitative Health Research*, 2005, vol. 15, iss. 7, pp. 964–974. DOI: 10.1177/1049732305279078.
59. Riessman C.K. *Narrative Methods for the Human Sciences*. London, Sage Publications, 2008. 264 p.
60. Bykov I.A. Reputation Crisis in Politics: on the Question of Case Study Usefulness. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu = Russian School of Public Relations*, 2022, no. 26, pp. 146–160. (In Russian). EDN: KKDUOE.
61. Laws B. Reimagining «the Self» in Criminology: Transcendence, Unconscious States and the Limits of Narrative Criminology. *Theoretical Criminology*, 2020, vol. 26, iss. 6, pp. 475–493. (In Russian). DOI: 10.1177/1362480620919102.
62. Shuman A. *Other People's Stories: Entitlement Claims and the Critique of Empathy*. Shuman University of Illinois Press, 2010. 200 p.
63. Brown M. Empathy and Punishment. *Punishment & Society*, 2012, vol. 14, iss. 4, pp. 383–401. DOI: 10.1177/1462474512452507.
64. Ronfeldt D., Arquilla J. *Whose Story Wins: Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft*. Santa Monica, CA, RAND Corporation, 2020. 99 p.
65. Wood A.K., Ravel A.M. Fool Me Once: Regulating «Fake News» and Other Online Advertising. *Southern California Law Review*, 2018, vol. 91, pp. 1223–1278.
66. Jacobs L.G. Freedom of Speech and Regulation of Fake News. *The American Journal of Comparative Law*, 2022, vol. 70, iss. 1, pp. i278–i311. DOI: 10.1093/ajcl/avac010.
67. Raymond K., Rainbow M. France's Left Turn: Mapping the 2012 Elections. *Parliamentary Affairs*, 2013, vol. 66, iss. 1, pp. 1–16. DOI: 10.1093/pa/ggs074.
68. Yousif K. «Les liaisons dangereuses»: Media, Literature, and «l'affaire» Strauss-Kahn. *The French Review*, 2013, vol. 86, iss. 5, pp. 898–911.
69. Azhgikhina N.I. Their Strauss-Khan and our Law. *Gender i SMI = Gender and Mass Media*, 2010, no. 3, pp. 51–57. (In Russian). EDN: ZDJSUT.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кириленко Виктор Петрович — заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.vvaas@yandex.ru.

Алексеев Георгий Валерьевич — доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: deltafox1@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кириленко В.П. Уголовное преследование политических лидеров: нарративный анализ современной властно-элитной преступности / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(6).523-535. — EDN WIYGCP // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 6. — С. 523–535.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirilenko, Viktor P. — Head, Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: v.vvaas@yandex.ru.

Alekseev, Georgy V. — Ass. Professor, Department of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: deltafox1@yandex.ru.

FOR CITATION

Kirilenko V.P., Alekseev G.V. Criminal Prosecution of Political Leaders: Narrative Analysis of Modern Power Elite Crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 523–535. (In Russian). EDN: WIYGCP. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).523-535.